

Добифуркационный период. Детство. Прямая дорога во взрослую жизнь.

Сохранить в душе

Детство.

Чтобы смеяться

Когда смешно,

И плакать когда

Очень больно.

В детстве

Лучшее средство

От печали скрываться

В комнате, где

Очень тёмно.

Не слышать, когда

Тебе говорят: «Довольно!»

И делать то, что в башку

Взбрело.

Детство – счастливые годы,

Предстоящего крепкий задел.

Там я влюбился весьма сумасбродно:

Жениться в пять лет захотел.

Детство! Папа и мама живы.

Рядом сестра растёт.

Разве можно в то время быть прозорливым:

Знать, что каждый из них умрёт.

Верните меня в моё детство

Я много исправить смогу,

Продлить беззаботное действо.

Верните мой старый Баку!

Мой Баку, город детства и юности. Память вырывает из давно прошедших дней самые яркие. Они, как кадры кинофильма, в котором я – главный герой.

Улица Крутая, Почтовая, Островского, теперь Сулеймана Тагизаде. Дом архитекторов. Теперь Дом бракосочетаний. Улица истоптанная до дыр. Чуть вверх и справа был дом, куда мама ходила к своей приятельнице. Пока они занимались своими делами, я оставался во дворе. Местные пацаны встречали меня, радостно крича: "Головастик пришёл!" - изаставляли читать, что попадало им под руки. . Всем было любопытно моё умение читать в пять лет, как взрослый. Если идти ещё вверх, дойдёшь до дома Митрофанова. А там... Там жила Любовь. Но это было много позже.

Я стал вспоминать, почему пацаны заставляли меня читать. В первый раз я, придя с мамой в гости, чтобы не скучать спустился во двор. Местный мелкий народ окружил меня, а самый крупный его представитель обозвал меня головастиком. Обидно было, конечно, хотя и было правильно замечено. Что я мог сделать, защищая себя? Я уже знал свои преимущества и сказал большому: зато я могу читать. Мне тогда не было и пяти. Народ развеселился, откуда-то появилась газета, и я им показал чего я стою. С тех пор мы подружились, и всякий мой приход на Почтовую улицу сопровождался криками: "Головастик пришёл!".

*Помню себя Коленькой,
Маленьким таким.
С длинной шеей тоненькой,
С черепом большим.*

Вся взрослая жизнь состоит из узлов бифуркаций. С самого детства никто иной, а ты сам должен выбирать: идти направо или налево, жить в движении или продавливать диваны; быть всегда самим собой или меняться в зависимости от обстоятельств.

Бифуркации моей жизни.

Часть первая

Когда был совсем маленьким, окружающие считали – быть мне клоуном, а я хотел быть поваром. Почему-то всегда хотелось есть, а повар «делает омлеты, винегреты и котлеты – мама, быть поваром хочу». Но всё-таки к юности я отъелся и стал инженером, как отец. Мне стукнуло шесть лет. К шести годам я много чего уже умел. Меня здорово выдрессировал отец. Читать, складывать, отнимать, умножать, делить я мог, изучил все картинки в 20-ти томах энциклопедии, прочитал в них то, что меня интересовало и стал задумываться не пора ли мне жениться на Лии Лисиковой, что жила в 5-й квартире на первом этаже. Отец сказал: выучишься – потом женишься. На улице Свободы, напротив судоремонтного завода была 41-я школа – добротное пятиэтажное здание. И вот туда меня и Лию определили в 1-й класс. Она попала в 1А, а меня засунули в 1Б. Я сказал отцу: в 1-й Б я не пойду, вообще не пойду в школу, я хочу туда, где Лия. Ну и не ходи - сказал отец. А через год меня, проверив, приняли сразу во второй, при том удивлённо спросили: может быть, сразу в четвёртый?. Но отец разъяснил почему мальчик хочет во 2А. Так начались моя школьная жизнь и любовные похождения.. А сегодня я понял, что тогда начал выковываться мой характер: если что нравится - цепляйся, как клещ, чтобы тебя и трактором невозможно было оторвать. Настал 1942 год, Мальчиков и девочек развели по разным школам. 41-я стала госпиталем. Мальчиков отправили в 8-ю школу, а девочек в 134-ю. Это

разделение отдалило меня от Лии. Так выветрилась моя первая любовь.

И почему я на ней не женился? Ведь была бы совсем другая жизнь – не лучше, не хуже, кто знает, но другая.

Много лет спустя, моя первая любовь, прощаясь с Родиной и с друзьями детства, приехала из Нэшвилла в Москву и захотела посмотреть, как я живу. Небольшая компания бакинцев собралась у нас дома. Было хорошо. Лия очень внимательно оглядывала меня – ей было интересна моя сегодняшняя жизнь. Даже детская любовь не забывается. Подумать только -- столько лет прошло!.

После седьмого класса решил пойти в моряки, и, ни с кем не советуясь, отнёс документы в Военно-морское инженерное училище имени Дзержинского, подготовительное отделение которого находилось тогда в Баку и располагалось на Зыхе. Я так решил, потому что чувствовал - мне не хватает дисциплины, усидчивости - уж очень сильно шило кололо в одно место, а училище всё-таки военное - не забалуешь. Мой одноклассник, Вика Колмановский, большой умник, я с ним я поделился своим решением, скептически отнёсся к моему выбору. Что он мне сказал, совсем не для печати. Против был и мой отец: поехал на Зых и забрал из комиссии мои документы: «Кончишь десять классов, пойдёшь, куда захочешь!» - таков был его вердикт.

Как подумаешь, если бы не был он столь решительным, ведь была бы совсем другая жизнь! Совсем другая!

Часть вторая.

В десятом классе учёба интересовала меня постольку-поскольку – футбол-баскетбол были большей частью моей жизни, но школу я закончил. И поехал в Москву поступать в МИИТ. Очень не хотелось учиться в АЗИИ. Почему? Сам не знаю.

Но, если бы остался в Баку, получилось бы совсем другая жизнь. Нефтяная.

Вступительные экзамены сдал, нужное количество баллов набрал, строительный факультет приоткрыл для меня двери – началось зачисление. Тянулось оно долго, и я ушёл на спортплощадку играть в баскетбол. Заигрался. Попустил оформление и был зачислен на другой факультет. Кто-то там НАВЕРХУ решил за меня бифуркационную задачу.

А ведь могла получиться совсем другая жизнь. Ну, совсем!

На втором курсе количество вузов Москвы увеличилось: был создан МИФИ, куда стали набирать студентов на все курсы и факультеты. Я и ещё человек десять решили изменить МИИТу, и заменить железную дорогу на ядерную физику. Оттащили документы на улицу Кирова (там поначалу обосновался МИФИ) и застыли в ожидании. Учёные доценты и профессора объявили: «Из всех вас возьмём только его!» и указали пальцем на меня. Кто бы мог подумать! И что я должен был бросить новых друзей, выйти из стихотворного объединения ПАНИКРУТ, «где мы, свободные от всяких пут, слагаем стих, терзая Музу...», зачем я это затеял? И остался в МИИТе. Причина несерьёзная, дурацкая, но тогда стала решающей.

И, если опять задуматься: ведь какая бы жизнь получилась? Совсем другая!

Высшее образование я получил и поехал в Читу. Сам выбрал: когда ещё заберёшься так далеко! А мог выбрать другой город.

И это была бы другая жизнь!

Часть третья.

В Чите работал мало, больше играл в баскетбол, сидел на сборах, тренировал команду «Локомотив», сам тренировался и вдруг зашел. Вот это увлечение пошло хорошо и потребовало размышлений. Пока размышлял, написал письмо в Москву девочке, по которой тайно и сильно вздыхал. Лида Баранова, курсом младше, но очень вздыхал. Получил ответ, и тут дело тоже пошло хорошо. Нужно было перестать размышлять и срочно определяться. Ушёл в отпуск и знал, что в Читу не вернусь. Читинцы знали, что я буду поступать в консерваторию. Скатертью дорога пролегла в родной город. Но по пути остановился у тётки в Москве. И тут же отправился на Красносельскую улицу к Лиде. Поднялся на третий этаж, позвонил, к двери долго никто не подходил, и я спросил себя: «Что я тут делаю?». Развернулся и стал спускаться, на первом этаже услышал –наверху открылась дверь (какой был слух!) и кто-то мужским голосом сильно ругался: звонок был – и никого.

А если бы дверь открылась сразу, то жизнь могла быть совсем другой. Очень другой!

В Баку долго не мог устроиться на работу, наконец, попал в Бакпроект и начал постигать то, от чего когда-то меня отлучил баскетбол. Пошёл на прослушивание в консерваторию, и там, рядом с заунывно безголосыми конкурентами выглядел, как Лисициан. Сусанна Аркадьевна

Микаэлян, святая женщина, преподаватель пения, учитель Муслима Магомаева, сказала, что будет готовить меня к поступлению в консерваторию. Бесплатно. Что было тогда очень кстати. У неё дома я познакомился с Муслимом и даже, когда совпадало наше время, вместе распевались. Голоса сливались и звучали, как один баритон. Нараспевки приходил сосед Сусанны Аркадьевны, Рауфа Такишиев-премьер Бакинского оперного театра, слушал нас как-то сказал, что у мальчика идеальный вокальный аппарат. Я это и сам чувствовал: наверх хлёбко и свободно. В консерваторию я поступил легко и проучился 2 года. Как не странно, любимым предметом было не пение, а теория музыки. Это же чистая математика. А ещё мне не нравилась её преподаватель – Георгий Буриштейн. Вот как мулянемог прийти на занятия с неподготовленным заданием! Немог всё! Потом номер и мне музыкальная затея разонравилась, тем более передомной разворачивались совсем другие математически перспективы: всякие покрытия, оболочки и пр.

Вот интересно: проживи дольше Георгий Буриштейн, я бы консерваторию не бросил. Точно! Было бы стыдно перед ним. Но я тогда уже понимал, что все музыкальные маминны способности достались моей сестре, и я спросил себя: «Что я тут делаю?» - и ушёл рассчитывать подпорные, стенки, фундаменты и разнообразные всякие и «стоячие» оболочки. Вот здесь была только математика, теория сооружений и ещё много чего интересного.

Но мог вымучить консерваторию и стать певцом, так это была бы совсем другая жизнь! Совсем другая.

P.S.-размышления. Голос у меня был очень хороший. Но мало иметь лужёную глотку, нужно жить музыкой, как жил ей Муслим, а я жил совсем другими интересами. Хотя два года, проведённые в консерватории, я думаю, не прошли даром. Почему я запел? Это же, как потом выяснилось, не моё. Просто было интересно попробовать. Я же слышал, как и во всём, только себя. Музыка требует другого к себе отношения: слышать её. Вот теория музыки для меня была интересна: всё-таки эта математика. Музыка – предмет логики – сказал А.Ф. Лосев. И даже чуть выше её – она язык высших сфер, Космоса, и потому требует полного в неё погружения, отстранения от суетного, земного. Судя по тому, что я сказал сам себе в консерватории: что я тут делаю? – уже тогда понимал – нельзя попусту терять время. Мне нравилось драть горло. Но это не музыка, а ухо-горло носология. Я правильно сделал. Это был поступок. Выбор профессии. Как-то странно я выросел – частями.

Часть четвёртая.

Взросел я медленно, и долго оставался балбес-балбесом. Я догадывался, как жили мои родители без меня, пока я читинился, но после поступления на работу многое прояснилось – отец сказал мне: «Деньги будешь отдавать мне!». К слову сказать, отец мой был очень жёсткий человек, даже более того. Тогда я посмотрел ему в глаза и ответил: «Деньги я буду отдавать маме!». Думаю, что с этого момента я стал медленно, но верно, взрослеть.

А мог согласиться с ним, и чтобы тогда получилось? Совсем другая ситуация, совсем другая жизнь, совсем не я!

Наконец, случилась самая важная в моей жизни встреча. 7 августа 1957 года я в Баксовете (там располагался Бакипроект), сбегая по парадной лестнице, на мгновение задержался – навстречу мне поднималась очень красивая девочка. Очень. Я охватил незнакомку всю сразу, одним взглядом. Брюнетка, румянец на щеках, естественный, редкость в Баку. Декольте – обалдеть, платье в горошек, белые босоножки на высоких каблуках, стопа балетная. Таких красоток я ещё не встречал. «Ух ты!» – бухнуло сердце в груди, и я помчался дальше. На работу в этот день я не вернулся, а на завтра, подходя к своему столу, был приятно удивлён: её посадили напротив. И я взялся за дело. Не то, чтобы я сразу влюбился – нет, этого не было. Просто я доводил её румянец до пунцового своими дурацкими островами, на которые я был большой мастак. Это было на работе, а вечерами я её водил по городу, который был мой и ей совсем незнаком. Хороший фортепианный концерт в филармонии – пойдёшь? – А почему нет? И почти по моему однокласснику Вике Колмановскому: «По вечерним шепчущим аллеям без конца бродили мы с тобой...» и по улицам тоже, и тогда я впервые был погружён в стихи – сколько она их знала! Кирсанов, Мартынов, Соснора, Элюар – ничего я этого не нюхал раньше, и опять по Викиному – улицы, город становились иными, кирсановские ритмы, её облик изменяли их. И однажды я обещал позвонить и почему-то не сделал этого. На работе она сказала: «Ты забыл позвонить? Я ждала». И тут в башке что-то щелкнуло и душу защемило. Любовь накрыла меня с головой. Что такое любовь? Да, душа в пятках, когда её видел, издали или встречая, объятия и поцелуи – всё это внешнее. Любовь - прежде всего

ответственность за того, кто рядом. Вот это пришло не сразу. Гуляния продолжались долго. Пацанство, воспитанное улицей, крепко сидело во мне. Не выдержал мой отец, суровый человек: «Что ты себе думаешь? С тебя, как с гуся вода, а ей какво?». В башке засвербило - и утихло. Всё-таки выросел я медленно. А летом 63-го она ушла в отпуск и по туристической путёвке должна была быть в Эстонии. И тут я сказал себе: «Что я делаю? Я же её теряю!». Тогда август был временем сдачи объектов к отчётному году, который исчислялся в сентябре. Я пришёл к руководителю архитектурой мастерской, моей тогдашней начальнице Диляре Идаятовне Сеидовой и попросил 10 дней отпуска без содержания. «Коля, ты сошёл с ума, полно работы, сдача!». Я посмотрел ей в глаза и сказал: «Диляра Идаятовна, даже если Вы меня не отпустите, я же всё равно уеду!». Меня уже хорошо знали в Бакгипрогоре. И она меня отпустила, потому что была умной женщиной. Мужик ни за что бы ни отпустил. Мартын Товмасын, руководитель другой мастерской, на просьбу сотрудника отпустить на похороны как-то сказал: «А нельзя ли завтра?». Ответил так, потому что был погружён в градостроительные задачи, не хотел и не мог слышать, что ему говорили, и ещё потому, что был мужиком. Да что говорить – я и сам такой.

Я прилетел в Таллин, в управлении туризма узнал, что нужная группа будет в 17 в туристском лагере в Айгвиду, сел в электричку и в 16 сидел на бордюре, дожидаясь нужного автобуса. Автобус прибыл в 5. Она вышла и пошла к палаткам. Моё сердце опустилось ниже пяток. Я пошёл следом и тихо позвал: «Ната!». Она оглянулась и встревоженно воскликнула. Какие слова может произнести

женщина, которая любит? Вы правы – она спросила: «Что случилось? – Ничего. Я приехал к тебе». И дальше мы стали целоваться, как сумасшедшие, не взирая ни на кого и ни на что. Я знал, и она поняла, что это счастье навсегда!! 10 дней в Айгвиду - яркий кусок нашей жизни. 1 сентября мы поженились. В Монтинском ЗАГСе Баку заведующая с размаху бабахнула печатью по свидетельству, я упал со стула, всем было весело. Но больших нас радовалась новаяявленная теща. Она обнимала меня, а я стучал ладонями по её спине и говорил: «Ну что Вы, Евгения Ефимовна, всё хорошо!»).

Вскоре стало ясно, что жена умнее меня, но это меня не напрягало, и я этим преимуществом очень хорошо пользовался, потому что в память врезались слова Колдуэлла, что умная жена – это как хранение денег в хорошем банке – можно только богатеть. Мои книги, статьи - все ею прочитаны, замечания сделаны, но я их проглатывал не сразу, даже злился – как так, я весь выложил - и на тебе! Но потом остывал, убеждался, что она права, и все правил, как она сказала. «Ну почему ты сразу не соглашался? – спрашивала она – Очень трудно» - отвечал я, мы начинали смеяться – хорошая жизнь продолжалась. Всё, что я сделал в жизни хорошего, осиянно её именем и посвящено ей.

Бакгипрогоровская жизнь продолжалась 10 лет. За это время я был выучен с голвы до пят. Жена, прожив 10 лет в Баку, заявила, хорошо бы переехать куда-нибудь. Она знала меня лучше, чем я сам о себе, и видела, что я могу закиснуть в Бакгипрогоре. . И

это было сказано тогда, когда я всем, чем только можно, прикипел к любимому городу. Любимая женщина или любимый город?

Но я, хоть и был балбесом балбес,

Понимал, кто я с ней и без:

Разные сущности, разной цены.

Кто я, если нет рядом жены?

Жена – это ведь лотерея,

Я выиграл то, что не стоит денег.

Жена – мой ангел хранитель,

Души и тела властитель,

Маяк, перст указующий,

Резец, меня преобразующий

В того, коего видела только она.

Такая была у меня жена.

Я весь её рук и ума творенье,

Я ею написан, я её сочиненье,

Она – мой стартовый пистолет,

Со старта зовущий для новых побед.

Я выбрал, конечно, жену, и мы переместились в Сочи и жили там, и работали 7 лет.

Вот такая была у меня жена.

А если бы я выбрал город, то это была бы другая жизнь. Совсем никудышняя!

Башка за это время обрела бронепробивную силу, я победил во всесоюзном конкурсе на покрытие большой спортарены. Конкурс устраивал ЛЕНЗНИИЭП, их проект тоже получил вторую премию, а первую вообще никому не присудили. И вот ЛЕНЗНИИЭП пригласил меня к себе. Но я знал, что делать: - "Друзья, только официальное приглашение через головной институт "Союзкурортпроект", что в Москве". Что и было сделано. И тогда 35000 курьеров помчались в Сочи отговаривать меня от опрометчивого шага, и главный курьер предложил стать главным инженером всего курортного проектного хозяйства, что и было принято. Но вот тут оказалось, что в дубовой башке не так-то много дипломатических мозгов, да их и до сих пор нет. Я круто взялся наводить порядки, которых в большом институте не было. Ну, кому это могло понравиться? Жили тихо, и вдруг

приехал баламут. Народец быстро сочинил "онанизменное" письмо, и я с треском вылетел... на повышение..

А мог остаться, прогнуться под начальством, тихонько работать на низкой должности. Другая жизнь? Не моя, и я ушёл, и стал главным инженером Технического управления Москомархитектуры. А если бы жил тихо, глядишь, и не оказался бы в центре огромной работы по подготовке к Московской Олимпиаде.

И это была бы совсем другая жизнь. Это был бы метровый промах!

Часть пятая.

Я проработал среди московских архитекторов 15 лет и мной заинтересовались на самом верху мэрии. И пригласили работать в Мосстройкомитет, потом Департамент строительства. Я недолго думал и перешёл.

А мог остаться. И это была бы совсем другая жизнь.

В штабе московского строительства я успешно проработал 12 лет. Но шило в одном месте ещё оставалось, я следовал принципу: начальство для того и есть, чтобы с ним спорить – и доспорился - большой заведующий отправил меня на пенсию. А мог и не спорить, смотреть в рот ему, предугадывать его хотения, глядишь, ещё бы с десяток лет командовал строительной наукой и проектированием.

Но это была бы другая жизнь, и это был бы совсем не я.

Из строительства я не ушёл. Ещё долго был в самой его гуще, многому научился, учил других, многое что успел, и бифуркации затаились.

Выводы. Я много что сделал, работая в строительстве. Как-то на досуге решил для себя перечислить содеянное. И бросил. Уж очень много чего получилось. Но главное всё-таки выделил:

Итак, что я наделал за полвека:

Работал в Дорпроекте (г.Чита), в проектно-институте «Бакгипрогор», в институте «Союзкурортпроект», в Главном архитектурно-планировочном управлении Москвы (Москомархитектура), в Комплексе перспективного развития Москвы. За время работы в проектных институтах (с 1957 по 1973) успел стать победителем Всесоюзного конкурса на покрытие универсальной спортивной арены на 10-25тыс. зрителей(1971 год) и конкурса на покрытие малой спортивной арены и плавательного бассейна в Лужниках (1976 г, вместе с Канчели Н.В.). Участвовал в работе международных конгрессов ИАСС (в Ленинграде, Алма-Ате, Москве, Дортмунде, Осаке, Мадриде, Штутгарте (в этом городе не был, но доклад был опубликован в сборнике трудов ИАСС). Заслуженный строитель РФ. Лауреат Государственной премии СССР и премии Совета Министров СССР. Доктор технических наук. Почётный академик Российской академии архитектуры и строительных наук. Награждён орденом Дружбы народов, медалями ВДНХ.

В Бакгипрогоре с 1957 по 1967 год работал в должностях инженера-конструктора, руководителя группы, главного инженера проектов, главного конструктора архитектурной мастерской. За это время были выполнены авторские проекты Детского театра на Приморском бульваре, гостиниц «Баку», «Спорт», Здание Министерства нефтеперерабатывающей промышленности АзССР. Очень важная работа: свайное

основание под здание Бакгипрогора на проспекте Кирова (сложная гидрогеологическая обстановка, бурозаливные сваи). А также разработаны, но не реализованы, проекты планетария (симбиоз двух железобетонных, монолитных пространственных конструкций: ребристого купола пролётом в 60 метров и опрокинутой опорной оболочки, перекрытие демонстрационного зала служит общей затяжкой), Дома моделей (рис.3), комплекса многоэтажных жилых зданий на Нефтяных Камнях.

Это было замечательное время. Выпала удача работать с талантливыми людьми. Каждый из них был хорош: Александр Азаронов, Рачия Торосян, Мартын Товмасян, Абрам Суркин, Борис Гинзбург, Александр Бузов, Вадим Шульгин.

Конечно, перечислены только наиболее значимые проекты и сооружения.

С 1967 по 1971 годы работал в Кавказском филиале института Союзкурортпроект (г. Сочи) в должностях главного конструктора отдела, главного конструктора, а затем главного инженера филиала. Автор осуществлённых зданий бывшего горкома партии, редакции газеты «Черноморская здравница», нереализованного проекта ресторана «Бриз». Это тоже интересный проект (архитектор Сердюков Е.А). Композиция сооружения представляла продолжение гостиницы «Ленинград» - вытянутая трехэтажная платформа из ортотропных плит, переброшенная через набережную и нависающая тремя консолями разной длины над морем. Интересная часть работы конструктора: учёт податливости перекрытий в своей плоскости при динамических горизонтальных воздействиях на каркас здания.

1974 г.г. переезд в Москву – заместитель главного инженера, главный инженер «Союзкурортпроект» (Москва). Только начал реорганизацию производства, как...

С 1974 по 1988 г.г. главный инженер, начальник технического управления ГлавАПУ (Москомархитектура). Наиболее впечатляющая работа – подготовка к Московской Олимпиаде. Автор инженерной концепции Олимпиады, экспертиза ТЭО всех спортивных объектов. Создание Московского территориального строительного каталога, первый в стране был утверждён Госстроем СССР. Сотрудничество с МНИИТЭПом в области пространственных конструкций, в разработке новых типовых жилых и общественных зданий.

С1988 по 2001год – начальник Главного технического управления Мосстройкомитета, заместитель руководителя Департамента строительства в Правительстве Москвы. Технический руководитель перехода домостроительных комбинатов и промышленности строительных материалов на новые серии жилых домов и зданий культурно-бытового назначения, реконструкции ДОКов для выпуска новой столярки, и в целом переходом ДСК на выпуск энергосберегающих наружных панелей. Председатель и участник многих технических комиссий по расследованию строительных аварий. Освоение в московском строительстве укрепления грунтов методом «Геокомпозит». Применение его, преодолевая сопротивление ведущего в стране НИИ, в предаварийных ситуациях в Марьином парке, на улице Обручева, при реконструкции Московского военкомата и на других объектах спасло их от разрушения. Каталог по названию был. И даже был отмечен высокой государственной наградой. Но на мой вопрос – покажите мне его – ответа не было. И каталога как документа, по которому можно было бы работать – тоже не было. За год с небольшим он был сотворён и первым в Союзе был утверждён Госстроем СССР. Это была очень хорошая работа.

2001по 2005 годы – заместитель главного инженера Моспромстроя. В 2001-02 г.г. - «спасение» повреждённых пятиэтажного и 16-ти этажного жилых домов от последствий

поспешного строительства. ТЭО козырьков над стадионом «Динамо». Первое применение деревоклеёных конструкций в московском строительстве

С 2005 по 2013 г.г. – научный консультант ГБУ Центр ЭНЛАКОМ. Разработка проектов инструкций для организаторов подрядных торгов, количественной оценки рисков проектирования и строительства, сложных в инженерном отношении зданий и сооружений.

Монографии: «Большепролётные покрытия. Анализ и Оценка. Рациональность и безопасность», «О фасадах без утайки», «20 лекций о профессии» и ещё кое-что мене значительное.

Авторские свидетельства.

Многочисленные статьи в журналах «Высотные Здания», «Архитектура и строительство Москвы», «Промышленное и гражданское строительство», «Специальные и монтажные работы», «Московские торги», в Строительной газете были посвящены развитию московского строительного комплекса, пространственным конструкциям, качеству и безопасности в проектировании и строительстве.

И главный вывод. Мой отец был известным строителем в Баку. Я тоже стал строителем. У меня с ним были сложные отношения. Но я знаю – он гордился мной, и я не посрамил наше имя. Все свои статьи всегда подписывал без всяких регалий - Н.Н.Никонов, будто рядом со мной отец - это же и его Ф.И.О. Потому что знать должны меня, а не увешенного наградами и званиями типа. Потому что за ними иногда пустота.

Я задумался над тем, что:

- *Существует бесчисленное количество параллельных миров. В них существовали или ещё существуют некто, подобные мне, и жили или ещё живут жизнями, которые я отверг. Жить так, как я, им не дано: Большой Заведующий – тот, что наверху, не допустил бы такого однообразия. Как интересно заглянуть в неведомое, но ... увы, непостижимо. В этой же жизни меня не оставляет ощущение, что некий демиург, по указанию сверху, вёл меня по прямой дороге, не давая свернуть ни вправо, ни влево. И привел меня к моей Филимошке. А уж она довела до ума мамино-папино творение. Это она мне сказала: «Коля, неужели ты у меня такой дурачок – не можешь защититься? – Могу!» – ответил я И дальше уже не мог остановиться*

- *Не бойся жить. Не бойся быть собой.*

Ты сможешь это, это, это и вот то.

Получишь все, чего ни пожелаешь.

Кто я? Я ангел твой.

- *Совсем не кое-кто,*

- *Я – это ты. Я думаю, ты знаешь.*

-

Это пишет моя дочка. Как точно, словно это я сказал. А как иначе? Ведь это моя дочь.

Счастье дано жить в этом мире бушующем,

Хоть быстротечно оно, за него и держись,

Счастье, как миг, между прошлым и будущим,

А по-другому – так это вся жизнь.

•
*А это я переделал Дербенёва. Этим
забифурцикливаюсь. Усё.*

P.S. Бифуркаций, конечно, было больше, я остановился на тех, что определили меня в этой жизни. Самое интересное, что утверждение " всё предопределенно" получило веское доказательство. Хотя, на первый взгляд, вроде бы я определял выбор. Был ещё один камень на распутье, когда меня хотели забросить ещё выше, но так чтобы я занимал две должности: и верхнюю, и нижнюю. Расчёт показал, что для этого нужны две рабочие головы и одна толстокожая задница для толерантности к неминуемым и точно просчитанным наказаниям. Не для нас - и я отказался, вызвав недоумение сразу у трёх начальников, особенно у того, кто согласовал эту комбинацию. "Легко на свете от песни весёлой, и тот, кто с песней живёт и считает, тот никогда и нигде не пропадёт". Даром что ли я учился в консерватории?

В книге Стивена Кинга 11/22/63 для меня главное, как и в Жене Путешественника Во Времени, то, что вечно в прошлом, настоящем и будущем - Любовь. Вот о чём пишут Кинг и Ниффинеггер. Любовь противостоит смерти, не побеждает, но и не погибает. Она вечная сущность. И есть ещё то, что созвучно моим размышлениям о сущности времени. Если возможны путешествия во

времени, то, значит, прошлое, настоящее и будущее существуют одновременно, что означает предопределённость событий.

Предопределённость жизненных ситуаций для меня – аксиома. В Бифуркациях я показал, как я хотел одно, а получал совсем другое – невообразимое, которое становилось единственным правильным, ведущем меня к намеченной (не мной!) цели. Вероятность встречи с Натой была исчезающе мала, но она состоялась и оказалось, что мы, как я написал в одном из стихотворений:

*Мы близнецы,
Рождённые
От разных
Мам, –
Я здесь,
А ты
Где-то
Там.*

И работа. Я был в неё погружён именно тогда, когда по времени и месту, она стала Байконуром моего профессионального и карьерного роста.

Предопределённость – это гармония сущего, с позиций того, кто рисует наши жизни. Вот почему Кинг внушает нам: тому, кто создал наш мир, не нравится вмешательство в его деятельность. Джейк убил. Изменил намеченный сюжет, нарушил его гармонию. И потому наказан. В прошлом. Осознание гармоничности сущего даёт ему шанс вернуть Любовь. В настоящем. Вот, что заставляет перечитывать роман.

Дополнения к бифуркациям.

Все домашние дела переделаны. Но это только кажется. Их отличие от других – им нет конца. Тем не менее. Что-то сделано, другое ждёт рук приложения. Но когда руки не заняты делом, голова не хочет бездельничать и начинает перебирать приятные эпизоды прошедшей жизни. Вот я себя спрашиваю: большинство дисциплин, которыми нас пичкали в институте, в жизни не пригодились. Но всё-таки был ли любимый предмет, ставший потом необходимым в работе? Да, отвечаю я сам себе: теоретическая механика, особенно динамика, 4 семестр. Динамика – тогда представлялась как составление дифференциальных уравнений и их решение. Я так втюрился в этот процесс, что перерешал все задачи в задачнике. Не было такой задачи, которую я бы не смог бы решить. По крайней мере, в учебнике. И на экзамене я позволил себе пизжонскую выходку. У нас в МИИТе на преподавательском столе лежали две кучки билетов: одна кучка – задачи, другая – теория. Решил задачку – будут дальше с тобой разговаривать, нет – получай «колбас», так мы называли двойку в школе, – готовься к пересдаче.

Я захожу в аудиторию, смотрю над чем трудится мой друг – Володя Тужилкин, да, у него всё в порядке: решение развёрнуто в правильном направлении. А тут и удивляться нечему: Володя – большой заведующий большим складом пятёрок. Но в этом предмете я круче не только его, мне нет равных. Так мне казалось. Я беру билет с задачей и, улыбаясь, говорю профессору Пратусевичу: «Яков Моисеевич, я могу взять другой билет? – Что не знаете, как решить? – Нет, знаю, но рядом с моей доской Тужилкин решает точно такую задачу. Это не интересно. Ну, что ж,

берите» – сказал профессор, с интересом меня оглядывая: он впервые столкнулся с таким чудом. Вообще-то, я мог сгрести всю кучу билетов, но меня испугали последствия. Задачу я быстро решил, Яков Моисеевич уже без интереса выслушал мои измышления в теории динамических расчётов, поставил 5 и отпустил. Я ему понравился. И я сам себе тоже. А что? Знание – сила! Оно мне помогло спустя десяток лет.

В Сочи, главный архитектор Чёрного моря, так он себя позиционировал, и все были с этим согласны, сочинил на набережной чудо-ресторан «Бриз», головоломку для конструкторов. К началу расчётов я увлёкся новым подходом к динамическим расчётам сложных сооружений, автором которого был учёный из Одессы. Я погрузился в его книгу, нашёл ошибки, написал автору, он мне ответил: «Вы знаете мою книгу лучше меня. Исправляю». Пока он исправлял, я закончил проект. Эта была хорошая работа. Жаль, осталась на бумаге. Но в письме Нате я похвастался, что мой пузырь (голова) работает хорошо. Она тут же ответила: «Я рада за твою работу, затвой пузырь. Моему такое не светит». Это она зря так о себе. Я гордился её работами в Баку: Приморский бульвар, сквер на улице Хагани; трасса олимпийского стипль-чеза в Москве. Каждому свои любимые пироги.

А я о чём бы ни писал, о чём бы ни размышлял, неизменно обращаюсь к Нате, потому что без неё ничего бы не было. Ничего! Все, что я сделал в жизни осияно её именем и ей посвящено.

Музыка со мной всю жизнь. С самого раннего детства меня окружала музыка. Пианино «Мюльбах» была самой дорогой вещью в нашем доме. Досталась это чудо от маминых родителей маме, потому что она была старшей, играла на нём и училась пению. Переднюю панель украшали голые нимфы, играющие на лютнях. Они были наглядным пособием в моём половом воспитании. Я спрашивал маму, почему они играют голыми? «Так легче извлекать звуки» — отвечала языкастая родительница. Я помню в мамином исполнении «Песни без слов» Мендельсона. И чуть подросшим выучил одну из них и в промежутке между футбольными сражениями садился на вращающееся сидение и играл эту Песню. Получалось неплохо. Но вот подросла моя сестра, тоже Ната, и стало ясно, кто тут главный. Настоящая музыка зазвучала в нашей однокомнатной квартире и спрятаться от неё стало невозможным. А я и не прятался. Слушал. Удивлялся таланту маленькой девочки. Да что я! О ней писали в «Вышке» и в «Бакинском рабочем» — она умела завораживать. Вместе с её музыкой я уехал в Москву учиться, потом в Чите запел, вернулся домой, поступил в консерваторию. Два года проучился. Спросил себя: «Что я тут делаю?» — и профессионально заниматься музыкой перестал. Но музыка осталась со мной. За многие годы собрал огромную коллекцию винила, лазерных дисков: джаз, классика, пение. Музыка...

Теперь, слушая любимые записи, как живых ощущаю тех, кто навсегда остался в моей памяти, тех, кого люблю.

Мама — это, конечно, «Песни без слов» Мендельсона.

Отец ... как трудно сопоставить его с какой-то музыкой. Разве первые аккорды в Первом фортепианном концерте Листа? Не уверен. Но пусть будет так.

Надо же, как это я сразу не врубился! Отец — опера "Алеко" Рахманинова. "Весь табор спит, / Луна над ним полночной красотой блещет. / Что же сердце бедное трепещет, / Какую грустью я томим?". Он же наполовину цыган и ревнивым был до чёртиков.

Сестра Ната. Как просто! Как неоспоримо! Шопен, си минорная соната, 2-я и 3-я части, мазурки. Дебюсси. Это всё она!

Жена Ната. Только для меня. Экспромт фа диез минор Скрябина (Ты музыка, словно написана Скрябиным / В цветной тональности фа диез минор). И, наслушавшись Рахманинова, понял: она — главная тема, которая звучит в финальной части 2-го Фортепианного Концерта.

Наша дочь Дарина, Даня. Её любимый композитор с юных лет - Шостакович.

Его последнему произведению Сонате для альты и фортепиано она посвятила стихотворение "№147"

*Когда смычок. взлетев последний раз,
Стеклянную бередит тишину,
Граня аккорд последний, как алмаз.
И мягкой лапой трогает струну,*

*Когда почти неуловимый звук
Со струн слетает беспокойной птицей,*

*Чтоб покружиться и умолкнуть вдруг,
А после неприметно возродиться,*

*Тогда возникнет музыка во мне —
Безмолвна и загадочно-чиста —
В ней клавиш звуки, словно с неба снег,
Скользят по струнам грустного альта.*

*Мой родной город ассоциируется с Моей Песней Кита
Джарретта. Он и Ян Гарбарек— это волшебная музыка.
Вечерний Баку. Я и Ната. И никого вокруг. Я и она. «Не в
себе я живу, а в тебе. / Я твоя».*

*Ну, а кто же я? В молодости «Озорные частушки»
Щедрина. Нет сомнения. Недавно моя двоюродная сестра
свои взрослым детям сказала: «С ним же невозможно
было находиться рядом. Это было непрерывающееся
смехоизвержение». Вот так я навсегда насмешил себе
свою Нату. А сейчас я романс Чайковского на слова
Ратгауза «Снова, как прежде, один».*

*Снова, как прежде, один,
Снова объят я тоской.
Смотрится тополь в окно,
Весь озаренный луной.*

*Смотрится тополь в окно,
Шепчут о чем-то листья.
В звездах горят небеса...
Где теперь, милая, ты?*

*Всё, что творится со мной,
Я передать не берусь...
Друг! помолись за меня,
Я за тебя уж молюсь!..*

Вот такая моя Музыка.

Фейсбук благодарит меня за то, что я делюсь на его страницах эпизодами из своей жизни и отправляет меня в прошлое – на год, два, три назад Там не только я и Ната.

Вот, что я написал о себе два года назад.

«Что есть главная оценка моей инженерной деятельности? Относительно высокие должности, которые я занимал? Нет. Звания, степени? Нет. Награды? Нет.

Книга Виктора Викторовича Ханджи "Расчёт многоэтажных зданий со связевым каркасом" с дарственной надписью: "Уважаемому Николаю Николаевичу, ИНЖЕНЕРУ, на добрую память". Выписанное заглавными буквами слово и есть то самое, что я ценю выше всего».

Сегодня я вспомнил ещё кое-что. 1975 год. Я только год назад как появился в ГлавАПУ. И мне досталась лакомая работа – экспертиза спортивных объектов Олимпиады-80. Вот тогда я и познакомился с Виктором Викторовичем.

Виктор Викторович Ханджи – выдающийся конструктор в области гражданского строительства. Автор Олимпийского велотрека в Крылатском, козырька над трибунами Большой спортивной арены в Лужниках, один из авторов Останкинской телебашни и многих значительных московских сооружений.

В проекте велотрека аккумулировано всё лучшее, что свойственно проектам-предшественникам: рациональные приёмы стабилизации сокоиндустриальный монтаж, органичная связь формы и функции сооружения.

Однако в первоначальном варианте, представленном на экспертизу, велотрек был другим.

Внешне эффектная конструкция обладала существенными недостатками.

Она была усложнена, что делало невозможным возведение велотрека в сжатые сроки.

Система приобретала чистое очертание, ясную "игру сил" при удалении подвесной вантовой системы; замене вывешенной хребтовой балки на пару связанных параболических арок; введении в конструктивную схему двух затяжек в уровне фундаментов арок.

Следует отдать должное Виктору Викторовичу Ханджи. Замечания экспертизы были им творчески восприняты. Вдохновение, сопутствующее работе над проектом и при его осуществлении, воплотилось в объекте творчества, и передается всем, кто приходит в Крылатское. Как образно выразился в 1977 году английский журналист Майк Винни: «Уже при подъезде к гребному каналу здание велотрека возникает на фоне пока ещё пустынного пейзажа громадой неопознанного летающего объекта». Спустя некоторое время я показал В.В. свой проект, который победил на всесоюзном конкурсе. Он взгляделся и удивлённо сказал: «Это же велотрек!». Я ответил: «Да, похоже. Но велотрек лучше. Я свою спортивную нарисовал давно, но она дала мне право разговаривать с Вами на равных».

Это было прекрасное время. Экспертные заключения легли в основу Инженерной Концепции Олимпиады. Что дальше?

Сидел я над чистым листом бумаги

И тупо в него глядел.

И вдруг меня в этом мире не стало:

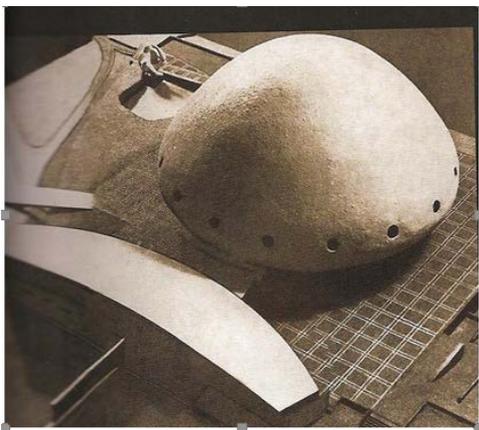
*Я в безвременье улетел.
Был я и пустая бумага,
И вакуум – чистойшая пустота.
Казалось, ещё полшага –
И я лишусь живота.
И вдруг рука произвольно
Рисует оси координат
И в поле наносит совсем бесконтрольно,
Пять точек, нужные в аккурат.
Пять точек – расход материалов –
На пять всяких покрытий!
И я получаю кривую, для профессионалов –
Знак наиболее выгодных перекрытий
Больших площадей.
Дальше нанёс остальные объекты
Ещё немного – и я Фарадей!
С Леонардо да Винчи в комплекте!*

А дальше идея была описана математикой. Впервые в теории сооружений был использован её раздел – Факторный Анализ. И получился симпатичный инструмент оценки рациональности большепролетных конструкций. Рациональность получила численное выражение. Никто до меня такого не делал. «Ты молодец, Колечка! – сказала Ната, ещё один, самый главный для меня авторитет.

Знаменательное место! Выход к бульвару с Ольгинской (Джапаридзе). Слева дом КАСПАРа. А справа

знаменательное место. Вместо двухэтажного дома должен был стоять Дом Моделей. Авторы Вадим Шульгин и я. 1965 год. Через сорок лет здоровенная многоэтажка в Мальме. И ещё через 10 - Дом моделей (!) - подумать только - в Москве. Вот такой был Вадим Шульгин! А его гостиницу "Турист" снесли. Ну, что тут скажешь!

Мне пришлось не раз работать в паре с Вадимом. Детский театр, рынок, Панорамный кинотеатр. Все - -висячие железобетонные оболочки. Но отношения в работе у нас были сложные.

4'

О Доме моделей подробнее. Это здание не парафраз с творения Сантьяго Калатравы, ведь это 1965 год. До здания в Мальме ещё 40 лет. Я остановился на этом

проекте, лишь потому, что он возвращает меня в родной город, в 60-е годы. Это было замечательное время. Мне выпала удача – я работал с талантливыми людьми. Каждый из них был хорош: Александр Агаронов, Рачия Торосян, Мартын Товмасын, Абрам Суркин, Борис Гинзбург, Александр Бузов, Вадим Шульгин... так и хочется продолжить, но последнее имя заставляет остановиться. , Вадим Шульгин – гениально одарённый архитектор. Его тонкому чувству конструкции могли позавидовать хорошие инженеры. Идеи, выраженные в набросках, рисунках, чертежах, впоследствии подтверждались расчётами. Погружение в работу было абсолютным. Дом моделей – его детище. Я не думаю, что он вдохновлялся, как авторы Дома бракосочетаний в Москве «сплетением рук», «объятиями спиралей» или «танцем» моделей на подиуме. Он представлял архитектуру как выразительное конструирование высшего смысла в реальной жизни. Но было бы неверным представлять его сухим рационалистом и поклонником функционализма, зачастую он был ближе к Аалто, чем к Салливену. Тогда в 65-м Вадиму Шульгину казалось, что небоскрёб (по теперешним меркам не такой уж и большой – всего 22 этажа) должен ввинчиваться в небо. И три сочленённых вертикальных гиперболических параболоида наиболее точно выражали это намерение. Подкупало и то, что внешние «держатели» перекрытий в этом случае были прямолинейными. Тогда ещё без продувки модели в аэродинамической трубе можно было предположить, что преобладающие в Баку ветры - северный («норд») и южный («моряна») - будут с наветренной стороны превращаться

в восходящие воздушные потоки. А это совсем неплохо для здания в жаркое бакинское лето. Это сразу заметил известный архитектор Леонид Павлов. Очевидно, острые углы треугольных перекрытий были бы скруглены, как это было сделано в построенном Калатравой здании – срывы ветра, жёсткую турбулентность необходимо было сгладить. Дом моделей – хорошая головоломка для конструктора. Замечательно, что теперь хорошие идеи возрождаются и воплощаются в жизнь, пусть даже и не нами. Да и что жалиться: наше время тоже было прекрасным. «Как молоды мы были! ... Как верили в себя!».

Молодость:

Мы выходим из кинотеатра, когда-то «Красный Восток», от старого универмага наискосок. Идём по улице Зевина, ты наизусть читаешь стихотворения. На углу Мариинской, в наше время Корганова, ты прочитала Кирсанова. Я в восторге. Мне нравится. Во мне кураж. Вот он, «Книжный пассаж». Его проходим, на улицу Островского ступенек сходим. Наконец, добираемся до твоих ворот. Дом Митрофанова. Тёмная лестница – поворот. Я целую тебя и говорю: люблю. Не ухожу – жду, вдруг оглянешься. Пусть навсегда ты во мне останешься. Ты, сквер на Корганова, дом Митрофанова и стихи Семёна Кирсанова: «Я утром проснулся был воздух зимы перламутр, тебя я увидел глазами, смотревшими внутрь, была ты во мне, ты сияла внутри и мне говорила: «Смотри, не в себе я живу, а в тебе. Я твоя...». Так было: в тот вечер не ослышался я.

Мне хорошо от мысли: я сделал такое, что до меня никто не делал. Мне хорошо, что я продолжил дело отца. Мне хорошо, что всем и всегда был нужен. Дома и на службе. Но, чтобы я гордился сделанным... И сам себя возносил до небес... Нет, бес меня не попутал, этого никогда не было. Мной гордилась жена. Это нормально. Она мне говорила: твоим возможностям нет границ. И от этих слов мне было совсем хорошо. Эта хорошесть меня заполняла до ушей и делала моё окружение другим. Те, кто работал со мной, не забыли наше общее время. «Как работается?» – спросил я свою бывшую подчиненную, которая поменяла место службы. «После Вас везде плохо!». И мне, конечно, от таких слов хорошеVELO. Весьма возможно, те, кому пришлось со мной соприкоснуться, стали лучше. Может быть. Значит, они понесли нашу общую лучишесть ещё дальше. Вот, оказывается, в чём соль жизни: с каждым днём становится лучшим, знать больше. Сегодня ты не такой, каким был вчера. И завтра будешь другим, лучшим. Делать. Главный глагол. Оставить после себя что-то хорошее, материальное или просто память – это очень хорошо! Лучший лозунг на знамени. И под

*этим знаменем должны расти наши дети.
Лучшие дети на нашей планете.*

*Я проснулся. Думал – три. Оказалось – четыре.
Ожидая, пришла мысль. В это время обычное
дело. Она беспокоила меня, почему-то очень
сильно в последние дни. Я понял, что мне не
уснуть. Я встал и написал то, что вы сейчас
прочитаете, если уже не заскучили.*

*Стихи и музыка – это почти одно и то же.
Стихи и музыка – это движение. Стихи и
музыка – это «чистый звук временных и
пространственных связей». Стихи и музыка –
это жизнь Числа. Если в стихотворении есть
музыка, значит, это Стих. Значит, в нём Число
уже не чистая логическая структура, а
сущность, перешедшая в инобытие,
выражающая смысл и чувства.*

*Музыка выше поэзии. Её язык универсален и не
требует перевода. Музыка свободна. В музыке
возможна потеря привычного «рифмования» - и
тогда появляются произведения Шостаковича и
Прокофьева. Потому что невозможно быть
правильными, описывая время, в котором они
жили. И тогда возникает их Музыка.*

В музыке возможен срыв плавного равномерного движения, остановка дыхания перед взрывом страстей – и тогда это «Аппассионата». Но такое возможно и стихах: «И вдали у рощицы её.../ Сердце обрывается моё». Дыхание точно остановилось. Но всё-таки в музыке оно выражается сильнее. Хотя многое зависит от авторов. Поэты точно со мной не согласятся.

Музыка – мои слова, сказал большой поэт Юрий Левитанский. Музыка и стихи – это жизнь Числа, звуков и слов, уложенных в ритм сердец сочинителей.

Скелет музыки и стихосложения – ритм. Он индивидуален. Он даёт возможность узнавать автора с первых слов, с первых звуков. Ритм присущ и прозе. Я всегда узнаю Михаила Ростовского, читая его аналитические статьи о политике и Александра Мельмана в заметках о телепрограммах. Мой начальник Владимир Иосифович Ресин на большом совещании сказал: Мне не нужна виза Никонова на его докладных записках, я и так вижу, что писал их он. Высшая оценка одной из сторон моей производственной жизни. Я к тому, что всё ложащееся на бумагу

должно идти от сердца, а оно у разных людей бьётся по-разному.

Я пишу «стихи» о Нате, как мне пишется, не заботясь о количестве ударных и безударных слов в строчках. Если бы я думал о них, я бы не написал ни одного стиха, а моя аналитика о проектировании и строительстве потеряла бы смысл. Мне важно, чтобы в моих стихотворных разговорах с Натой была бы музыка, и когда она звучит, мне становится хорошо. Мне важно было, чтобы моё окружение на работе узнавало бы меня в моих статьях, написанных для специальных журналов, сразу, с самого заглавия. Ведь так и было.

Любовь – это музыка. Я – счастливый человек. У меня была и есть Любовь. В ней было всё, и остановка дыхания – тоже. Она наложила отпечаток на всю мою жизнь. Она изменила меня.

Моя молоденькая родственница – Маруся – разорвала всем понятные, логически правильные связи своей жизни и бросилась в хаос страстей, во мрак, который обескуражил её близких. Но в

*нём, дай Бог, может заискрится Свет. И он
породит Музыку. И Маруся будет счастлива.*

*Да, я был Тьма,
Но Свет хранил в себе.
Его с теченьем времени открою.
И стану Свет.*

*Так написала Даня. А она настоящий поэт. Не
то, что некоторые. Но всё-таки. Из давнего.*

ТЫ - МУЗЫКА.

*Ты - музыка.
Экспромт фа диез в миноре.
Ты - музыка.
Ты помнишь нашу радиолу «Проминь»?
Ты - музыка.
Ты не забыла звуки под корундовой
иглой?
Ты - музыка.
Луч солнца ты над утреннюю мглой.
Ты - музыка.
Тебя не зная, Скрябин всё о тебе
сказал.
Ты - музыка.
Она в тебе звучала, как он писал.*

Ты - музыка.

Звучишь во мне и сердце разрываешь.

Ты - музыка.

Тебя люблю – ты это знаешь.

Ты - музыка.

Пластинка крутится, играет.

Ты - музыка.

И вдруг... на грустной ноте замирает.

Ты - музыка.

Моя удача.

Ты - музыка....

Я плачу.

Ты - музыка.

Мы вспомнили Алексея Федоровича Лосева. В своё время я прочитал его «Хаос и Структура» и долгое время не мог читать никакую беллетристику. Зато прочитал почти всего Лосева, в том числе «Музыку как предмет логики». Лосевские мысли, вычитанные и осмысленные из этих книг, совпали с моими поисками оценки рациональности больших конструкций. Книга была прочитана коллегами. Важнее было то, что её прочитал Президент Академии архитектуры и строительных наук, и на общем собрании Академии я был увенчан золотой медалью. Можно быть увенчанным медалью? Думаю, что нет, но зато красиво

сказано. Медаль была Малая. Я рассчитывал на Большую, но и то хорошо: всякое даяние благо, тем более, что Ната, провожая меня в Нижний Новгород, где состоялась Большая собрание, пропела с порога вслед, что в крайнем случае согласна на медаль. До проводов она прочитала черновик моего выступления, одобрила, но сказала, что одно место ей непонятно. Что тут не понимать? – озверел я и ничего менять не стал. Уже в гостинице перед выступлением я прочитал свой опус и понял: она, как всегда, права. Этот кусок ничего не добавлял к написанному, к смыслу, и потому как лишнее его толкование был вреден. Я вымарал его и пошёл выступать. Получилось триумфально. Я в который раз вспомнил Колдуэлла: «Умная жена как хороший банк – можно только богатеть». О чём ей было доложено по возвращению. Вот такая была у меня жена.

О счастьею. Огоньки

О счастье. Огоньки.

«Ты поспи, – говорю я Нате, – а я Даняху поняичу. Что-то у неё болит. Ната мгновенно засыпает – ей достаётся. Я иду на кухню, подальше от спальни: дочь в меня – горластая. Я хожу по кухне и что-то ей говорю, как я думаю, успокаивающее – не помогает. Дитя заливается плачем. Я подхожу к окну и говорю

годовалому человеку: «Смотри, на горе мачта, на мачте огоньки. Красные. Для чего горят огоньки? Чтобы самолёты в темноте не наткнулись на мачту. Вот для этого всю ночь горят красные огоньки». Дочь затихает, впивается в меня глазами, губы её шевелятся: ей понравилось новое слово «огоньки», она пытается его повторить, у неё не получается – и вдруг я слышу...подумать только: огоньгы. Я смеюсь, она в ответ улыбается, нам хорошо. Просыпается Ната, приходит к нам: «Смотри, не вопит. Чем ты её успокоил? – Огоньками. – Молодец. Идём все спать». Смотрю на часы: на них три. Вставать в шесть.

Народ, это же счастье. Хотя в прошлом.